

Одевшись, Лю Яоцин вместе с Чжэцзы-гэ вышли из дома и действительно увидели Хань Да и группу солдат, чьи ауры были похожи на их. Видно было, что они знакомы между собой. Среди них выделялся один человек, одетый иначе, стоявший отдельно, и к нему остальные относились с особым уважением.

Увидев Лю Яоцина, этот человек улыбнулся. Когда Ли-ши, Лю Цюаньцзинь, Син-гэ, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ опустились на колени, он вручил им награду.

Всего было сто пятьдесят лян серебра, и, хотя не было сказано, кому именно предназначалась сумма, она явно была для двоих.

Чжэцзы-гэ взял деньги, а Лю Яоцин поднес господину кувшин вина «Персиковый нектар».

Не отказавшись, господин с улыбкой принял вино, не сказав ни слова, и удалился.

Даже если этот господин был всего лишь посланником императора, прибывшим в маленькую деревню Шангу, он все равно был человеком из окружения Сына Неба. И теперь, независимо от того, что он скажет по возвращении, для жителей деревни Шангу, городка Шанпин и уезда Шаннань Лю Яоцин уже стал человеком, о котором император не забывает.

Даже уездные чиновники, получившие степень цзиньши, лишь издали поклонились императору в Золотом Зале. Что касается их значимости в глазах императора, то, за исключением тех, кто вошел в первый разряд, первых пятидесяти из второго разряда, а также тех, кто имел влиятельных покровителей, они были подобны пыли на дороге — незаметны и незначительны.

Солдаты снова остались, чтобы охранять теплицу.

Дверь теплицы часто открывалась, и Лю Яоцин с Чжэцзы-гэ входили туда, чтобы поговорить с Бао-гэром, но другим вход был запрещен.

Вокруг собралось много деревенских жителей, но, опасаясь крепких солдат, они не решались подойти. Тогда некоторые из них начали действовать через других.

— Цин-гэр, кто-то спросил меня, есть ли у нас что-нибудь вкусное в последнее время, — подбежал к Лю Яоцину Юй-гэр, подпрыгивая.

С тех пор как они переехали жить на гору, Юй-гэр сильно изменился: стал смелее, начал сам думать и принимать решения. Каждый день он ел вместе с Су Ци и другими, и недавно стал заметно выше.

— И что ты ответил? — спросил Лю Яоцин.

Юй-гэр, конечно, тоже ел кукурузу, но Лю Яоцин специально предупредил его, чтобы пока он не показывал ее другим.

— Фан Эргоу дал мне горсть конфет и спросил, — с гордостью поднял лицо Юй-гэр. — Я съел его конфеты и сказал, что недавно действительно ел что-то новое: черное снаружи, белое внутри, сладкое и горькое на вкус, размером больше коровы, и оно может бегать и прыгать...

— Фан Эргоу поверил? — с интересом спросил Лю Яоцин, удивленный тем, что обычно скромный Юй-гэр начал врать.

— Нет, не поверил, а потом я убежал, — сказал Юй-гэр, усаживаясь на кане и надувая щеки. — Я знаю, что Фан Эргоу нехороший человек. Он дружит с дядей, наверное, он спросил по его просьбе.

Эти слова заставили Лю Яоцина взглянуть на Юй-гэра с новым уважением.

— Я понял. В эти дни не спускайся с горы и не ходи в старый дом, — сказал Лю Яоцин, вставая с кана и собираясь выйти.

— А ты, Цин-гэр, можешь спуститься? — спросил Юй-гэр, сидя на краю кана и болтая тонкими ножками.

Указав на молча стоящего у двери Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин улыбнулся:

— Могу, потому что я не один.

Спустившись с горы вместе с Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин решил заглянуть в старый дом.

В прошлый раз, когда император прислал награду, Лю Яоцин поставил Ли-ши и Лю Цюаньцзиня впереди, не сообщив об этом старику Лю, но, учитывая, как быстро новости распространяются в деревне, он, вероятно, скоро узнает.

В последние дни Лю Яоцин был занят делами с кукурузой. Только после его одобрения солдаты могли собирать урожай.

Старик Лю действительно узнал в тот же день, что Лю Яоцин и Чжэцзы снова получили награду от императора. Тогда на колени опустились Ли-ши, Лю Цюаньцзинь и Син-гэ, и даже женщины, работавшие в мастерской лепешек на горе, получили свою долю, но старика Лю не позвали.

Просидев несколько дней в молчании на кане, старик Лю тяжело вздохнул:

— Все-таки мы разделились.

Но в прошлый раз... это было во дворе семьи Лю.

— Старший говорит, что Цин-гэр снова занят чем-то хорошим на горе, и в деревне все об этом говорят, — с мрачным видом проговорила Ли-ши. — Именно поэтому он получил награду.

Старик Лю, конечно, слышал это от Лю Цюаньфу, но сам он несколько дней думал и не мог понять, откуда Лю Яоцин берет все эти хорошие вещи и есть ли среди них что-то из наследства Лю.

Когда-то предки семьи Лю процветали, но через несколько поколений они пришли в упадок, как осенние листья. К тому времени, когда старик Лю стал главой семьи, их родословная уже слилась с семьей Лю из деревни Шангу, став ее ветвью.

Если говорить о том, что осталось от бывшего величия семьи Лю, то это были и редкие произведения искусства, и драгоценности, но все это было растрчено поколениями, и даже родословная исчезла. К тому времени, когда старик Лю стал главой семьи, он едва умел читать, и ничего больше не осталось.

А теперь посмотрите на Лю Яоцина: его жизнь становится все лучше, он еще не женился на Чжэцзы, но уже крепко связан с ним, и его дела процветают. Даже если не говорить о других

достижениях, только награды от императора заставляют всех смотреть на него с уважением.

Сейчас Лю Яоцин на горе уже окончательно отделился от старика Лю. Даже если дом третьей ветви семьи все еще находится в старом доме, в глазах деревенских жителей они уже стали двумя разными семьями.

— Давай позовем Цюаньцзиня поесть, — сказал старик Лю, затянувшись табаком.

Ли-ши явно была того же мнения:

— Пусть Чжэн-гэ сходит.

— Хорошо, — кивнул старик Лю.

Чжэн-гэ еще не успел выйти, как Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ вошли.

— Чжэн-гэ, куда ты идешь? — спросил Лю Яоцин.

— Дедушка велел мне найти третьего дядю, — честно ответил Чжэн-гэ.

Найти Лю Цюаньцзиня? Лю Яоцин внутренне усмехнулся.

В последнее время Лю Цюаньцзинь все дни проводил на теплом кане, его хорошо кормили и ухаживали за ним, и теперь он уже мог ходить, но не спускался с горы.

Старик Лю и Ли-ши хотели увидеть Лю Цюаньцзиня, и Лю Яоцин, конечно, не мог этому помешать, но прежде он мог сам навестить стариков.

— Дедушка, бабушка, — войдя в дом, Лю Яоцин сел на скамейку.

В комнате было тепло, кан был хорошо натоплен, и это было заслугой Лю Яоцина.

— Когда пришел господин, почему ты не привел его домой? — спросил старик Лю, выпуская клубы дыма из трубки. Его лицо было мрачным, и он даже не смотрел на Лю Яоцина, словно боялся запачкать глаза.

— Дедушка, господин пришел ко мне и Чжэцзы-гэ, он не искал членов семьи, — оглянувшись на Лю Цюаньфу, который лежал на кане, как мешок, Лю Яоцин улыбнулся. — Дядя, дедушка, бабушка, Чжун-гэ, Чжэн-гэ, Мин-гэ — господин никого из них не искал.

Эти слова были слишком ядовитыми, прямо бьющими по лицу старика Лю.

Тогда Юй-гэр и Шэнь-ши были на горе и тоже опустились на колени, когда вручали награду.

Представители второй и третьей ветвей семьи были там, но стариков и первую ветвь не позвали. Это явно показывало, что они больше не считаются семьей.

Раньше Лю Яоцин только думал об этом, но теперь он прямо сказал это.

— Когда-то наша семья Лю процветала, была знатной семьей, и у нас было больше сотни слуг... — начал старик Лю, и его лицо постепенно становилось менее мрачным, словно он действительно видел былое величие семьи Лю.

Смешно наблюдая за стариком Лю, Лю Яоцин не дал ему закончить:

— Это было раньше. Сейчас я не вижу ни слуг, ни знатной семьи Лю.

— То, что в теплице на горе, — это ведь наследство знатной семьи Лю, — покачав своим тучным телом, Лю Цюаньфу уставился на Лю Яоцина мутными глазами и улыбнулся. — Цингэр, это ведь вещи семьи Лю, ты не можешь их присвоить. Гэр все равно выйдет замуж и перестанет быть членом семьи Лю. Посмотри, сегодня или завтра отдай вещи с горы, иначе все Лю в деревне не согласятся.

Лю Яоцин едва сдержал смех.

Оказывается, они хотят увидеть Лю Цюаньцзиня из-за этого. Непонятно, как они решили, что семена кукурузы, которые у него есть, — это наследство предков.

<http://bllate.org/book/16688/1532023>